

ББК 83.3(2=411.2)6
УДК 821.161.1-32

Д. С. Лукин
D. Lukin
г. Петрозаводск, ПетрГУ
Petrozavodsk, PetrSU

**РАССКАЗ Л. АНДРЕЕВА «МЫСЛЬ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МАНИФЕСТ**
L. ANDREEV'S STORY «THOUGHT» AS AN ARTISTIC MANIFESTO

Аннотация: В статье методами проблемного и мотивного анализа рассказ Леонида Андреева «Мысль» прочитывается как манифест и одновременно как антиманифест искусства модерна. В рассказе писатель исследует трагедию измены творения творцу и полемизирует с рационалистическими и позитивистскими философскими идеями прошлого, подвергая сомнению существование рационально непостижимых основ жизни и утверждающими ведущую роль разума в познании.

Ключевые слова: манифест; антиманифест; модерн; мотив; мысль; разум; человек.

Abstract: The article introduces problematic and motivic analysis of L. Andreev's story «Thought». It allows to read the story as manifesto and anti-manifesto of Art Nouveau. In the story the writer explores the tragedy of betrayal of creation to the creator. Leonid Andreev argues with rationalistic and positivist philosophical ideas of the past, questioning the existence of rationally incomprehensible foundations of life and claiming the major role of mind in knowledge.

Keywords: manifesto; antimanifesto; Art Nouveau; motive; thought; mind; human.

Научные открытия и тотальный социокультурный кризис к концу XIX века разрушили в общественном сознании традиционные представления о мире, снова ставшем тайной, и способах самоидентификации человека. «Исчезновение» бытийных основ определило новый вектор художественного поиска – искусство модерна.

Христианская в своей основе, русская литература рубежа веков представляла сложную эклектичную картину. На страницах художественных произведений развернулся напряженный спор о природе и месте человека в пространстве жизни, в частности, о возможностях и значении разума в историческом развитии человечества.

В поэме М. Горького «Человек» (1903) звучит гимн Мысли с большой буквы: она поставлена выше любви, надежды, веры и определена архимедовой точкой прорыва в лучшее будущее. Л. Андрееву, который оказался на перекрестке литературных течений времени и принес в русскую литературу новое художественное направление – экспрессионизм, обычно вменяют неверие в си-

лу человеческого разума, равно как и в «человека этического». В этом аспекте, как правило, исследователи и рассматривают рассказ «Мысль» (1902). Однако столь существенный в мотивном поле «Мысли» конфликтный синтез эстетического, научного, религиозно-мистического, этического и биологического начал делают проблематику рассказа сложнее и глубже.

Рассказ представляет собой восемь листов записей доктора Керженцева, сделанных им во время пребывания в психической лечебнице перед судом по делу об убийстве им своего друга писателя Савелова. В этих записях Керженцев обращается к экспертам, которые должны вынести вердикт о состоянии его психического здоровья. Объясняя произошедшее, рассказывая о мотивах и этапах подготовки к убийству, среди которых симулирование сумасшествия, Керженцев логично и последовательно доказывает, что он совершенно здоров, и тут же, что болен. Заканчивается рассказ кратким сообщением о суде над Керженцевым, на котором мнение экспертов о его психическом здоровье разделилось поровну.

На главного героя рассказа можно посмотреть как на художника модерна. Герой отвергает предшествующую литературу с ее миметическим принципом в лице своего друга-писателя, которого он убьет. Не развлечению сытых, но и не социальным нуждам должно служить искусство, а каким-то высшим целям, принимая на себя теургическую миссию, – вот установка Керженцева, совпадающая с ходом философско-эстетической мысли времени.

Герой признается, что всегда был склонен к игре: философия игры задает сценарий, режиссуру и постановку убийства, отношение героя к людям и жизни. Керженцев воплощает важную для модернизма идею жизнетворчества. Он не живет «естественной правдой жизни», но ставит над жизнью эксперименты, бросает вызов устоям и собственным возможностям. Акт жизнетворчества, который предпринимает Керженцев, оказывается, однако, слишком эстетически рассудочным, чтобы стать искусством жизни. Освобожденная от этических обязательств вовне, «творческая мысль» героя оказывается враждебна человеческому и в самом человеке.

Персонифицируя в Керженцеве «творческую мысль», Андреев исследует трагедию измены творения творцу и полемизирует с рационалистическими и позитивистскими философскими идеями прошлого, подвергающими сомнению существование рационально непостижимых основ жизни и утверждающими ведущую роль разума в познании. Доминанта философии Декарта – «Я мыслю, следовательно, я существую» – переосмыслена у Андреева в пародийно-трагедийном ключе «обратного»: мысль Керженцева приводит его в небытие. С этой точки зрения рассказ может быть воспринят как манифест нового искусства, отвергающего достижения культуры прошлого с ее мифом «человека разумного».

В то же время Андреев выявляет «тупики небытия» нового искусства, идущего не к жизни, а от нее. «Творческий акт» героя, буквально преступный и безумный, приобретает субстанциональные признаки нового искусства, ведущего художественный эксперимент над жизнью в мистическом поиске за-

предельного. С этой позиции можно прочитать «Мысль» Л. Андреева уже как антиманифест искусства модерна.

*Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

Библиографический список

1. Андреев, Л. Н. Мысль / Л. Н. Андреев // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1 : Рассказы и повести 1898–1903. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2012. – С. 391–435.
2. Горький, А. М. Человек / А. М. Горький // Собрание сочинений : в 18 т. Т. 4 : Произведения 1903–1907. – М. : Гослитиздат, 1960. – С. 5–10.